

ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ

ПЬЕСА оренбургского драматурга Ф. Миронова «Родники» не случайно привлекла внимание. В ней явно ощущаются приметы времени — сегодняшнего этапа борьбы за изобилие. Это не разговор «вообще» о сельском хозяйстве и борьбе в нем передового с отсталым. В пьесе чувствуется знание современной колхозной деревни, тех конфликтов, которые в настоящее время существуют и находятся в процессе решения самой жизнью. Это ощущение не пропадает и на спектакле Оренбургского драматического театра имени Горького, давшего пьесе путевку в жизнь и начавшего с ее показа гастроли в столице. Сразу же оговоримся — произведение это далеко не безупречно. Обилие жизненных впечатлений захлестнуло автора. Из второстепенного ему не везде удалось выделить главное, наиболее существенное для развития пьесы. Отсюда композиционная несобранность ее драматургии и в некоторых случаях неточность характеристик персонажей.

Перед зрителем проходит галерея образов. Ни драматург, ни исполнитель роли В. Бурдаков не пытаются наделять качествами идеального положительного героя секретаря райкома Иванова. Актер показывает нам его простым, любящим свое дело человеком, и в то же время его герой бывает порой излишне резок, категоричен, предпочитая, «чтобы его хвалили, а не ругали». Что делать — работа трудная, напряженная, а он ведь тоже живой человек.

Главный идейный противник Иванова председатель колхоза Горин не обрисован одними черными красками. Он искренне болеет за колхозное дело, его поступки имеют свою логику, свое обоснование — отсюда и рождается в пьесе настоящее столкновение, настоящая борьба. В. Рублевский рисует Горина человеком по-своему масштабным, неглупым и не робкого десятка.

Неразрывностью с жизнью бригады в пьесе подкупает образ зоотехника Тамары Павловны. К сожалению, исполнительнице (Р. Плещачевская) не хватает эмоциональности в наиболее напряженные моменты, когда жизнь ставит героиню в положения очень трудные.

Не все образы получают в спектакле достаточное развитие. Так, при первой встрече заинтересовывает писатель Са-

востин в исполнении А. Михалева. Привлекают его теплая и в то же время чуть ироничная улыбка, умные, добрые глаза. В дальнейшем образ не раскрывается какими-либо новыми гранями, более того, он не входит органично в действие. Савостин остается скорее «лицом от автора», чем активным участником событий. В этом надо винить не только актера, но и драматурга. Запоминается любитель циркуляров секретарь партийной организации колхоза Терехин (артист С. Антипов). Безжизненные, пустые глаза, напряженно-угодливая поза, как бы в ожидании инструкций, «деловая» походка... Эти выразительные средства остаются, однако, неизменными на протяжении всего спектакля, в результате возникает однообразие, теряется интерес к образу (материал пьесы дает здесь большие возможности!). Не удалось театру углубить и линию молодых героев — доярки Нади (А. Барышева) и шофера Миши (А. Солодилин). Исполнители искренни и обаятельны, но все-таки, как и в пьесе (речь идет о лирических сценах), они остались «голубыми» персонажами. Жаль, что в спектакле ощутима инерция штампов, выработавшихся в драматургических произведениях о сельской жизни. В нем как бы сталкивается новое, творчески оригинальное с привычными шаблонами. Это отчетливо прослеживается, например, в исполнении роли бывшего председателя колхоза Рыжикова М. Дахцигелем. Поначалу мы видим живого человека с его мыслями, симпатиями, чаяниями, обидами. В дальнейшем же театр превращает Рыжикова в профессионального балагура, и чем больше он старается смешить, тем менее он смешон и интересен. И совсем уж из арсенала привнесшихся штампов взят «былинный» дел Вакула. А рядом живой, по-настоящему комедийный образ бабки Христины (Г. Монащенко)...

В работе режиссера Ю. Иоффе наиболее ярки и интересны, пожалуй, массовые сцены девушек-докорок. Мы увидели настоящих живых девчат сегодняшней деревни.

Спектакль Оренбургского театра неровен, как неровна и сама пьеса «Родники». Но теплый прием, оказанный ему москвичами, не случаен. В работе драматурга и театра бьется живой пульс современности, а это главное условие успеха.

К. КРИВИЦКИЙ,

«Советская культура» 1962, 4 лев.

1262, 4 лев.